
Ф. И. ГИРЕНОК

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭСТЕТИЗМ В ФИЛОСОФИИ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА*

В статье исследуется антропологический смысл эстетики в творчестве К. Н. Леонтьева. Автор показывает, что в философии Леонтьева отклоняется идея калокагатии, сформулированная древними греками, и разрабатывается идея трансцендентного эгоизма. В основе этой идеи лежит резкое противопоставление земного мира и небесного. В статье сравнивается позитивизм О. Конта, выраженный в законе трех стадий, с эстетической идеей К. Леонтьева, которая также реализуется в трояком движении от простоты к цветущей сложности и вторичному упрощению. В результате анализа проекта эстетической антропологии делается вывод о том, что философия Леонтьева пытается соединить в эстетическом принципе антропологический пессимизм христианского взгляда на судьбу человека и языческий принцип цветущей сложности органической жизни, которая не подчиняется принципам морали. В статье показано, что надмирной этики бытия не существует, этика существует только у человека.

Ключевые слова: эстетика, этика, бытие, позитивизм, закон трех стадий, прогресс, антропология, византизм, артель.

The article examines the anthropological meaning of aesthetics in Konstantin N. Leontiev's works. The author shows that Leontiev's philosophy rejects the idea of kalokagathy formulated by the ancient Greeks and develops the idea of transcendent egoism. This idea is based on a sharp contrast between the earthly world and the heavenly one. The article compares Auguste Comte's positivism, expressed in the law of three stages, with Leontiev's aesthetic idea, which is also realized in a threefold movement from simplicity to blooming

* **Для цитирования:** Гиренок Ф. И. Антропологический эстетизм в философии Константина Леонтьева // Философия и общество. 2024. № 3. С. 8–21. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.01.

For citation: Girenok F. I. Anthropological Aestheticism in the Philosophy of Konstantin Leontiev // *Filosofiya i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2024. No. 3. Pp. 8–21. DOI: 10.30884/jfio/2024.03.01 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2024 8–21

DOI: 10.30884/jfio/2024.03.01

complexity and secondary simplification. As a result of the analysis of the project of aesthetic anthropology, it is concluded that Leontiev's philosophy tries to combine in the aesthetic principle the anthropological pessimism of the Christian view of human destiny and the pagan principle of the blooming complexity of organic life, which does not obey the principles of morality. The article shows that there is no supra-worldly ethics of being, ethics exists only in human.

Keywords: *aesthetics, ethics, being, positivism, the law of three stages, progress, anthropology, Byzantium, artel.*

В 1912 г. вышла книга К. Леонтьева «В. Соловьев и эстетика жизни». Эта книга состояла из двух писем Леонтьева к священнику И. Фуделю. В ней нам рассказывают об ужасе жизни Леонтьева. Издатели книги писали: «Мировоззрение К. Леонтьева, крайне сложное и крайне оригинальное в этой сложности, – недостаточно знакомо нашему мыслящему обществу. При жизни своей этот мыслитель-художник не пользовался вниманием, а тем более известностью; его идеи замалчивались или извращались; его страстный голос раздавался все время как бы в безвоздушном пространстве убийственного равнодушия к нему публики, – и литературная судьба К. Леонтьева была трагична до ужаса» [Леонтьев 1912]. Прошло более ста лет. Что изменилось? Ничего. Кто сегодня знает Леонтьева как философа? Немногие. Кто его знает как писателя? Почти никто. Хотя именно Леонтьев предложил впервые идею эстетики жизни и свой взгляд на соотношение морали и красоты.

В чем же состоял ужас жизни Леонтьева? В непонимании, как со стороны ближних, так и со стороны дальних. Об этом сам он говорит так: «...чем вознаграждает меня *печатать!* Тем, что восхищающиеся на словах и в письмах *молчат* перед публикой; а другие понимают меня так превратно, так обидно, и так даже ужасно (для кончающего свое поприще человека, конечно, это *ужасно!*)... Я ни к какой партии, ни к какому учению прямо сам не принадлежу; у меня свое учение; но я положил ему только *основание*; и другие должны проверять и разрабатывать его. А где они, эти другие? Раз, два, и только!.. Так пусть так и скажут и докажут, что я ничего ни нового, ни правдивого, ни остроумного, ни полезного – не сказал... я буду знать и покорюсь моей участи... Нет, и этого никто не говорит; да едва ли и может сказать» [Там же].

Схематизмы жизни

К. Н. Леонтьев 1831 г. рождения, из села Кудиново Калужской губернии. Врач. Окончил медицинский факультет МГУ. Ушел добровольцем на Крымскую войну. Работал батальонным лекарем. После Крыма был домашним врачом у барона Розена. Ушел от барона. Уехал в Петербург. Медицину оставил ради литературы. Нужно было где-то работать. Устроился в МИД. Почти десять лет работал дипломатом. Его направили консулом в Турцию. На Крите французский консул сказал что-то оскорбительное о России. Константин Леонтьев ударил его хлыстом. Его отозвали со службы на Крите и направили в другое место. Он попытался стать монахом на Афоне. Не получилось. Уехал в Россию. Литераторы его не приняли. Тургенев, которому сочинения Леонтьева нравились, был далеко. Стал цензором. Через три года бросил эту работу. Уехал в Оптину пустынь. Принял постриг под именем Климента. В 1891 г. умер.

Леонтьев боялся брака. «Трудная вещь брак», – говорил он Розанову в одном из писем. Для него «брак труднее монашества». Любовь – не брак. Брак с женщиной – это, на его взгляд, просто подать. Общественное тягло. Моногамия для него плоха. Многоженство хорошо. Леонтьев предпочитал простых и наивных девушек. Ему не нравились образованные и светские дамы. До 30 лет он поклонник женщин. В 30 лет он женился на красивой крымчанке из Феодосии, едва умевшей писать. Леонтьев сочинял. Ей было все равно, что он сочиняет. Она страдала умопомешательством. После 30, как пишет о себе Леонтьев, он «перешел на сторону мужчин». В 1871 г. Леонтьев почувствовал, что умирает. Он возопил о жизни, обратившись к иконе Иверской Божьей матери. И выздоровел. У него изменилось сознание, в нем произошла метанойя. После пострига Леонтьев развелся с женой, но жили они вместе. Жена Леонтьева умерла в страшном 1917 г.

Консерватор

Что мы знаем о Леонтьеве? Что у него, как и у Конта, был сформулирован закон трех стадий. У Конта все начиналось с чуда, с веры, с колдуна. У Леонтьева – с первоначальной простоты, с крестьянской избы, с иконы. У Конта потом следовала метафизическая стадия, У Леонтьева – стадия цветущей сложности. У Конта на стадии метафизики пропадают чудеса, вера в сверхъестественное, и остаются только сущности и причины. И главное, что происходит

с людьми: на этой стадии никто никому не верит. Все под подозрением. При этом социальная система подозрительности сама собой непременно начинает рассыпаться. Чтобы ее сохранить, нужно либо вернуться назад к чуду, либо двигаться вперед. Конт заставляет Европу двигаться вперед. Его философия – это философия прогресса.

У К. Леонтьева тоже есть прогресс. У него прогресс происходит на стадии движения от простого к сложному. Мы видим, пишет Леонтьев, «постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности» [Леонтьев 2007: 180]. На этом этапе, на его взгляд, в сознании доминирует идея прогресса. Все когда-то возникает. Возникнув, расцветает. Для Леонтьева цветущая сложность – собор Парижской богородицы, Кремль, время Екатерины II, картины Рафаэля, старообрядцы и, видимо, «Троица» Рублева. Но что происходит после расцвета? В теории Конта начинается позитивный этап. Все, что делает человек, нужно делать, следуя науке. Прежде всего нужно выбросить из головы всякие ненаблюдаемые сущности. Посредством науки прогресс устремляется в бесконечность.

У Леонтьева другой взгляд на науку. В книге «В своем краю» он говорит об этом так: разум и наука «все поймут, все уравниют и все примирят» [Его же 2000]. В мире «всепримирения» не будет ни добра, ни зла. Согласно философии Леонтьева, в этот момент начинается период вторичного упрощения. Почему вторичного? Потому что первый шаг есть всегда свободное творение, на этом этапе нет правил и законов, но зато есть сознание, и все возможно. Человеку сознающему легко упасть, заблудиться в образах. Без сознания жить проще. Второй шаг – воспроизведение первого, его развитие, поиски единства многообразного, цветущей сложности. Вторичное упрощение – негативно, ибо оно возвращает человека в прошлое, к простоте. Но это такая простота, которая упрощает сложное: разнообразие тонет в монотонности. На стадии вторичного упрощения доминирует сознание консерватора. Для Леонтьева-консерватора будущее – это прошлое, которое не стало настоящим.

Если позитивизм О. Конта желает покончить с анархией, то революционный консерватизм Леонтьева борется с разложением государства, церкви, семьи и культуры. Каким образом? Леонтьев требует от жизни больше своеобразного, оригинального. Чем больше самобытности, тем меньше науки. Не все, что человек понимает, нужно знать. Суть государства – в силе. Сила – это его красота, ко-

торая проявляется на войне. Вначале государство держит внутри себя аристократическая форма. В середине его жизни появляется власть одного, «единоличная демагогия». К старости и смерти в нем воцаряется демократическое, эгалитарное и либеральное начало. Государство рушится. Все, что может обессилить его силу, нужно, полагает Леонтьев, замораживать.

Красота церкви – в материальной мистике. Мистика – свечка перед иконой, молитва, хлеб и вино. «Что такое семья без религии? Что такое религия без христианства? Что такое христианство в России без православных форм, правил и обычаев, то есть без византизма?» – спрашивает Леонтьев [2007: 140] и отвечает: «Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь» [Там же: 144]. Без формы русские – «дрянь», скажет Леонтьев, народ без идеи. Нельзя любить такой народ. Леонтьев пишет в «Византизме и славянстве»: «За что его любить? За кровь? Но кровь ведь, с одной стороны, ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации смешанной крови... Любить племя за племя натяжка и ложь...» [Там же: 151].

Конт заменил веру знанием, религию – социологией. Социология, придуманная Контом, не отвечает на вопрос «почему». Отвечая на этот вопрос, мы, полагает Конт, неизбежно будем выдумывать какие-нибудь сущности и тем самым водить себя за нос. Наука отвечает только на вопрос «как». Конт надеялся, что социология заменит религию и станет моралью человечества.

А у Леонтьева что было впереди? Вторичное упрощение. Какая-то гомеомерия, в которой все перемешивается со всем, усредняется. В будущем, уверен Леонтьев, не будет ничего оригинального. Все, что возникает, когда-то умирает. Перед смертью все живое упрощается, готовится умереть. Тоска. Вместо собора и Кремля будут построены казармы, вокзалы, больницы, дороги. Или, говоря современным языком, человека ждет в будущем нудящее присутствие глобализма пользы и посредственности. Леонтьев – антропологический пессимист. Я пессимист, говорил он, ибо Евангелия пессимистичны относительно будущей жизни человека на земле.

О сложности мышления Леонтьева

Мышление Леонтьева сложно, если мы смотрим на него со стороны тока аффектов в галлюцинозе сознания большинства. То есть

мы и сегодня смотрим на Леонтьева посредством того, что мы знаем о западной философии. Знаем Конта – видим в нем Конта. Знаем Ницше – видим в нем Ницше. А он и не Конт, и не Ницше. Он не западник и не славянофил. Он, как всякий русский, не любил философию. В ней он не находил поэзии. Ее абстракции сводили его с ума. Но не любить философию – не означает не думать. Он врач и мыслитель, как затем, впрочем, и Розанов, «осязательными» образами.

В этом и состоит сложность мышления Леонтьева. Она состоит в том, что он хотел соединить христианский аскетизм с языческим культом красоты. И соединил, но его не поняли. Не поняли, куда он дел мораль. От Леонтьева требовали нравственности, а он предлагал поэзию, полагая, что только поэзия религии может вытеснить в человеке поэзию изящной безнравственности. В Европе возник М. Вебер с протестантской этикой. В России – Леонтьев с православной эстетикой. Вебер говорил: время – деньги. Он – создатель теории капитализма. Леонтьев говорил: не делай добра, не получишь зла, – и создал теорию трансцендентного эгоизма.

Зло и добро

«Мораль есть ресурс людей бездарных», – говорит Леонтьев [2000а]. Для того чтобы на одном полюсе морали существовала Корделия из «Короля Лира» Шекспира, на другом ее полюсе необходимо существование Катерины Львовны Измайловой из повести Н. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Не может быть мира, состоящего из одних Корделий, равно как и из одних Катерин Измайловых. Корделия честна и невинно страдает. Катерина Львовна Измайлова ради возлюбленного приказчика убивает мужа, отца мужа, племянника и саму себя, погубив одновременно еще и новую возлюбленную приказчика Сергея. Давайте ее (леди Макбет) сюда, убеждает нас Леонтьев, но избавьте нас от бессилия, сна, равнодушия, пошлости и лавочной осторожности. «Жанна д'Арк проливала кровь, а она разве не была добра, как ангел? И что за односторонняя гуманность, доходящая до слезливости, и что такое одно физиологическое существование наше?» [Там же]. Человеку нужны полюса, необходимо напряжение. Человек распят между воображаемым и реальным. И тем-то человек выше других зверей, что он, как убеждает нас Леонтьев, «находит удовольствие в борьбе и трудностях» [Там же]. И приводит в пример «Отступление десяти тысяч» Ксенофонта, поход которого сам по себе прекрасен, хотя ни-

каких целей не достиг, и едва ли не половина всех его воинов погибла.

Эстетическое отношение к действительности у К. Леонтьева не похоже на эстетическое отношение к миру у Н. Г. Чернышевского. Леонтьев призывал дать волю и добру, и злу, а не бороться со злом. Кто борется со злом, тот не оставляет места для добра. «Отворяйте ворота... – призывал Леонтьев интеллигенцию XIX в., – растопчут кого-нибудь в дверях – туда ему и дорога! Меня – так меня, вас – так вас...» [Леонтьев 2000а].

Чернышевский устанавливал относительность взглядов на красоту в зависимости от того, где ты живешь. Если ты живешь в деревне, то красивый – это здоровый и сильный. Если ты живешь в городе, то красивый – это богатый, бледный, с впалой грудью, но успешный.

Как можно оправдать насилие? Леонтьев пишет: «Оправдывайте его прекрасным... – одно оно – верная мерка на все...» [Там же].

Византизм

В «Византизме и славянстве» Леонтьев пишет: «Византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой», которое имеет европейское сознание [Леонтьев 2007: 127].

Что это значит? Это означает, что византизм не ценит человека самого по себе. Но если он не ценит человека как индивида, то, может быть, он ценит соборность человека? Нет, есть вещи, которые не носят социальный, коллективный характер. Даже «Соборяне» Н. Лескова умирают лично, а не соборно. Более того, «византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов... он есть сильнейшая антитеза идеи всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной все-свободы, земного всесовершенства и вседовольства» [Там же: 127–128]. То есть христианин знает, что на земле не будет ни единства, ни довольства, ни равенства, ни свободы. Все это может быть только в другом мире, в который попадают не социально, а персонально.

Леонтьев изменяет привычное отношение полезности и красоты. В чем состоит привычка, идущая от греческой культуры? В том, что чем больше человек верит в полезное, тем меньше он верит в прекрасное само по себе. Для эллина красивое – это полезное.

Византизм в культуре полагает полезное полезным, но не красивым. Прекрасное – прекрасным, хотя и не полезным. И одновре-

менно человек в византийском мышлении не мыслится сам по себе, без семьи. Человек – это всегда какая-то семья. Без семьи человека не бывает. «Семейное начало у нас слабо», – говорил Леонтьев [2007: 140]. Материя семьи, на его взгляд, всегда готова в России разбежаться при ослаблении церковных скреп.

Грамотность и народность

Леонтьев – писатель. «Грамотность и народность» – его первая философская статья, появившаяся в 1868 г. Как в ней рассуждает Леонтьев? Резко и конкретно, но не в смысле Гегеля.

Все в России за просвещение, а Леонтьев – за народность. Почему? Потому что когда говорят о всеобщем и обязательном образовании, то говорят еще и о том, что не является образованием. Народ просвещают, а он затем куда-то исчезает после этого просвещения. Куда? Он становится массой похожих друг на друга людей. Ведь что такое народ? Это крестьяне. У каждого из них свое лицо. Даже ученые – они тоже бывшие крестьяне.

Что значит просветить крестьянина? Значит вытолкнуть его из традиционной социальной ячейки, из деревни. Народ просветили, и он исчез в городе. В этом, говорит Леонтьев, состоит смысл эпохи просвещения. Свет есть, народа нет. Что в России спасало народ от просвещения? Крепостничество. Оно держало народ вдали от города. При нем руки бюрократов просвещения до народа не дотягивались.

Грамотность – это не география и не арифметика. Дело не в том, говорит Леонтьев, чтобы весь народ знал четыре правила арифметики. Сами по себе они ничего людям не дают. Они для чего-то. Для чего? Согласно Леонтьеву, для сознания своего национального своеобразия. Леонтьев убежден: будет одна грамотность, не будет своеобразия. И тогда в России не сформируется великая нация. Грамотность ради грамотности следует в России из англо-французского воспитания образованной части общества. Что нужно сделать с образованной частью общества? Подождать пока оно, по словам Леонтьева, созреет для того, чтобы осветить своеобразие народа. Или, что то же самое, когда все образованные в России сделаются славянофилами. Если они не сделаются славянофилами, то начнут вредить, то есть вырывать корни «руссизма» из народа. Если они вырвут народные корни, «то уже тогда “бесцветная вода” всемирного сознания будет поливать не национальные всходы, а космополитические, и Россия будет столь же отличаться от дру-

гих европейских государств, насколько, например, Голландия отличается от Бельгии» [Леонтьев 2000б: 185–186].

Артель

Русское государство, сетует Леонтьев в статье «Грамотность и народность», не научилось искать спасение в чем-либо западном. Вот отменили крепостничество. Возникла земельная община. В общине коммунизм существует де-факто, а не в виде идеала. Что это означает? То, что она стала охранительной. От кого она охраняет народ? От капитализма. Община предупреждает буйное развитие пролетариата. Земская община не выталкивает людей на волю, в город. Она вяжет и связывает их с землей. Это не эффективно, но душеспасительно.

Леонтьев рассказывает о двух стариках: о болгарине и старообрядце. Болгарин жил большой семьей. Все у него ели черный хлеб с луком, а он деньги копил, зарывая их в землю. У старообрядца семьи не было. Он жил артелью. Артель от славянского глагола «ротиться», то есть божиться, присягать, клясться. От него слово «рота» и слово «артель». В роте и артели общежитие подчиняется правилу: один за всех, все за одного. Старообрядец создал рыбацкую артель. К зиме он зарабатывал большие деньги. Деньги он распределял так: рассчитывался с рыбаками. Отпускал тех, кто не хотел с ним оставаться. Какие-то деньги давал своему брату. При этом брат жаловался, что ему мало помогают. Затем закупал на артель провизию, вино и содержал всю молодежь, которая оставалась с ним до весны без обязательной работы. С товарищами старообрядец кутил и проживал все деньги. При этом был строгим исполнителем церковного устава. В артели Леонтьев увидел национальное своеобразие русского народа.

Национальное своеобразие

Леонтьев согласен с тем, что в России еще много безграмотных людей, много того, что зовут варварством. «И это, – говорит Леонтьев, – наше счастье, а не горе» [Там же: 164]. Почему счастье? Потому что они (безграмотные) – хранители народной физиономии. И рассказывает случай в Полтаве, описанный в «Биржевых ведомостях».

В казначейство вошли крестьяне: муж и жена. У обоих полы отдувались от какой-то ноши. Муж обратился к чиновнику с просьбой обменять кредитные билеты старого образца на новые. «А сколь-

ко их?» – спросил чиновник. Ему ответили: «Не знаем». «Ну, три, пять, десять рублей?» «Да нет, больше. Мы целый день считали, да не сосчитали». При этом показали кипы ассигнаций. Их задержали. Сосчитали деньги. Их оказалось 86 тысяч рублей. Спросили: откуда у вас деньги? Ответили: прадед складывал, дед складывал, мы складывали. А в конце беседы крестьяне спросили: «А золото меняете?» В казначействе ответили: «Меняем». А сколько его у вас? Две коробки.

Жили эти крестьяне в простой хате и были неграмотны. Дом в деревне стоил в то время 100 рублей, лошадь – 30 рублей. Дом в городе – от 500 рублей до 5 тысяч. Пришли они менять около 60 миллионов современных рублей.

Какой вывод делает Леонтьев? Где знание, там нет веры, а где вера, там не нужно знание.

Раскольник Спасова согласия

Эстетизм Леонтьева выражен в рассказе о раскольнике Спасова согласия. Спасово согласие – это беспоповское направление старообрядчества. Его приверженцы полагают, что в мире воцарился Антихрист. В нем нет больше благодати, нет церкви, нет таинств, нет ни православных священников, ни монахов. За это их еще называют нетовцами. Спасти человек может только через Спасову (Иисусову) молитву, через покаяние Богу наедине. Нетовцы ставят себя в ситуацию, в которой есть они и Бог, и больше между ними нет ничего. Им не на что больше надеяться. Вот в этой безнадежности стороннику Спасова согласия остается надеяться на себя и на случай.

В деревне Слободищи Владимирской губернии жил спасовец Михаил Куртин. Однажды ночью, рассказывал он на суде, печаль его о том, что все люди должны погибнуть в нынешние времена, сделалась так велика, а реальность так очевидна, что он не мог уснуть. Раскольник встал ночью, затеплил свечи, помолился образу Спаса Нерукотворного о своем спасении и спасении своего семейства. И тут ему подумалось, что было бы хорошо спасти семилетнего сына от вечной гибели. Ведь он еще мал и резв и подвержен искушениям. Спасти, то есть убить.

С этой мыслью Куртин вышел во двор, помолился на восход, прося у Спаса знамения. Если после молитвы ему придет эта мысль в голову справа, то он принесет сына в жертву, если слева, то нет, ибо, как он полагал, помысел с правой стороны есть мысль от анге-

ла, а с левой стороны – от дьявола. Куртин превратил свою веру в Бога в рулетку, при этом на кон он поставил не свою жизнь, а жизнь другого. Мысль справа и мысль слева – это были его мысли, ибо если в мире ничего нет, тогда, что есть, зарождается в тебе, а не вне тебя.

Помысел пришел крестьянину с правой стороны. Он разбудил сына, надел на него белую рубаху, полюбовался и убил. Авраам тоже хотел убить своего любимого сына Исаака, чтобы принести его в жертву Богу. Но он был не один в мире. Ему вернул сознание голос свыше, ангел остановил его руку с ножом. А Куртину некому было возвращать сознание, ангел не остановил его руку с ножом. Куртин в остроге уморил себя голодом. Невозможно быть человеком без Бога, говорит Леонтьев. И очень трудно оставаться человеком без Церкви, ибо без нее каждому из нас приходится быть титаном и держать, как Атлант, небо на своих плечах. Куртин не выдержал и убил сына, затем себя.

Леонтьев высказал ту мысль, что человек никогда не совпадает с самим собой и у человеческого поступка всегда найдется такая внешняя сторона, которая не совпадает с внутренней.

Рассуждения об эстетике

Леонтьев пишет в девятом письме Розанову: «В наше время большинство гораздо больше понимает эстетику в природе и искусстве, чем эстетику... в жизни человеческой» [Леонтьев 1981: 101]. Большинство, следуя европейской традиции, связывает эстетику с наукой, с познанием. Эстетика как наука изучает отражение жизни в искусстве. Леонтьев отклоняет этот взгляд и соединяет эстетику с жизнью. Эстетика не наука. Она ничего не отражает. Она есть жизнь. Что отсюда следует? Эстетика жизни дает законное право быть тому, чему было принято отказывать в существовании. Опасности, тяготы, жестокости, зло, несправедливости имеют право упорствовать в своем существовании. Не может быть так, чтобы добро было, а зла не было. Тому, кто любит сладкое, придется полюбить и горькое. Если человека заставить жить в мире, в котором есть только справедливость, а несправедливости нет, то он откажется от этой жизни, ибо это будет не жизнь, а игра дьявола с иллюзиями. Быть красивым – не означает быть добрым. А быть добрым – не означает быть истинным. Внешне Сократ был, как сатир Марсий, то есть диким козлоподобным существом. Но это не значит, что и внутренне он был, как сатир. Внешнее не опреде-

ляется внутренним и наоборот. Царь, говорит Леонтьев, безнравственнее Акакия Акакиевича, но красивее. Истина, добро и красота никак не связаны. Греки, изобретая принцип калокагатии, ошиблись. Почему они ошиблись? Потому что они отождествили бытие с истиной и оставили без бытия заблуждение. «Не в том дело, – говорит Милькеев “В своем краю”, – чтобы не было нарушения законов, не было страданий, но в том, чтобы страдания были высшего разбора, чтобы нарушение закона происходило не от вялости или грязного подкупа, а от страстных требований лица!» [Леонтьев 2000а]. Какое поведение человека мыслится Леонтьевым как эстетически приемлемое? Если все безбожники, то ты верь в Бога. Если все верят в Бога, стань безбожником. Если везде распущенность – ты будь строг.

Что говорит Леонтьев? Он говорит: где страсть, там и сила. Где сила, там и насилие. Вы хотите мир без насилия? Но тогда вам придется жить в мире без мысли и без любви. Ибо и то и другое требует от человека страсти, сумасшествия. Вы хотите гуманного государства? Но гуманными могут быть люди, а не государства. Свободное развитие личности возможно и при крепостничестве.

Теория «страданий высшего разбора» Леонтьева – это не теория сверхчеловека Ф. Ницше. Ницше не знает, чем человек отличается от обезьяны, а Леонтьев знает: страданиями высшего разбора, или, что то же самое, страхом перед Богом. Что лучше, говорит Леонтьев, кровавая, но пышная эпоха Возрождения или зажиточная, умеренная Дания, Голландия, Швейцария?

«Одно столетнее, величественное дерево дороже двух десятков безличных людей, и я, – рассуждает Леонтьев, – не срублю его, чтобы купить мужикам лекарство от холеры» [Там же]. Купит, конечно, купит, убеждает нас Розанов, потому что он (Леонтьев) в личной жизни альтруист. И долг отдаст, хотя Тургеневу так и не отдал 200 рублей серебром. Не успел. «Прекрасное – цель жизни», – пишет Леонтьев, ибо оно существует не для чего-то, а для себя [Там же].

Антропология

Из эстетизма Леонтьева следует и его концепт человека. Человека определяет не кровь, не почва, а форма. Откуда же человек берет себе форму? Из галлюциноза. Что это? Сообщество связанных галлюцинаций. А это значит, что если тебе нравится Кандинский, то тебе должен нравиться и Ленин, ибо Ленин – это Кандинский в по-

литике. А Кандинский – это Ленин в живописи. В галлюцинозе то, чего нет, приобретает право на существование. И тогда то, чего нет, будет дано человеку в его самоощущениях. На этих самоощущениях и строится человеческая жизнь.

Леонтьев полагал, что православие открывает русскому человеку калитку в его сознание. Оно является его формой. Но можно ли быть русским вне православия? Лично можно. Безлично нет. Социальному перевороту будет мешать галлюциноз сознания. Что произойдет, если разорвется связь между сознанием и галлюцинозом? Разрушится мистическая связь между людьми одной веры. Без этой связи русский человек распадется на части и станет органической материей. Вот как Леонтьев описывает процесс саморазрушения России в письме к Розанову: «Поймите, прошу вас, разницу: русское царство, населенное православными немцами, православными поляками, православными татарами и даже отчасти православными евреями, при численном преобладании православных русских, и русское царство, состоящее, сверх коренных русских, из множества обруселых протестантов, обруселых католиков, обруселых татар и евреев. Первое – созидание, второе – разрушение. А этой простой и ужасной вещи до сих пор никто ясно не понимает... Мне же, наконец, надоело быть гласом вопиющего в пустыне!» [Леонтьев 1981: 76–77].

В первом случае форма одна, материя разная. В разных головах людей одни идеи и чувства. Один галлюциноз и одно сознание. Во втором случае материя одна, формы разные и, следовательно, аффективные токи энергии двигаются в разных направлениях. Дисциплинированный энтузиазм народа при таких условиях уже невозможен. Во втором случае, говорит Леонтьев, Россия обречена на распад. Что может остановить распад? Мистика духовного единства и хроническая жестокость. «Вот разве, – пророчествует Леонтьев, – союз социализма с самодержавием и племенной мистикой» [Там же: 77] может остановить распад. «Это возможно, – добавляет Леонтьев, – но уж жутко» [Там же]. В статье «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» Леонтьев пишет: «Как вы думаете, господа либералы, вам они что ли памятник поставят? Нет. Социалисты... ваш умеренный либерализм презирают... И они правы в своем презрении... Все существенные стороны охранительных учений им самим понадобятся. Им нужен будет страх, нужна будет дисциплина...» [Леонтьев 1886].

Литература

Леонтьев К. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни: (По двум письмам). М. : Творческая мысль, 1912 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_1888_soloviev.shtml?ysclid=llievfli7f164879213 (дата обращения: 26.09.2023).

Леонтьев К. Письма к Василию Розанову. Лондон : Nina Karsov, 1981.

Леонтьев К. В своем краю / К. Н. Леонтьев // Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. СПб. : Владимир Даль, 2000а [Электронный ресурс]. URL: https://knleontiev.narod.ru/v_svoem_kraju.html (дата обращения: 26.09.2023).

Леонтьев К. Грамотность и народность / К. Леонтьев // Поздняя осень России. М. : Аграф, 2000б. С. 157–196.

Леонтьев К. Византизм и Славянство / К. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство. М. : ЭКСМО, 2007. С. 127–236.

Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство / К. Н. Леонтьев // Сб. статей: в 2 т. Т. 2. М. : Типо-лит. И. Н. Кушнерова и К^о, 1886 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/vostok-rossija-i-slavjanstvo/15 (дата обращения: 26.09.2023).